Сокращение промышленного производства и экономический кризис в США — угроза для всей МО, — имеющая долгосрочное значение, которое, надо подчеркнуть, следует отнести **к конкретным условиям** развития МО. Эта угроза может проявиться и обостриться неожиданно, как это случилось в 2008 году, даже на фоне вполне благополучных прогнозируемых тенденциях в экономике США на 2014–2016 годы, когда рост ВВП может превысить 3%.

Это означает, что в случае неожиданного кризиса в США резко ухудшится не только экономическая ситуация в мире, но, прежде всего у ведущих партнеров США по ТАП: стран Евросоюза и по ТТП: Японии, Южной Кореи, Австралии. «С другой стороны, падение спроса в США в результате финансового кризиса неизбежно приведет к существенному снижению производства в Европе, Китае, Японии, Индии и других азиатских странах, которые во время повышательной волны пятого К-цикла превратились в мировую фабрику по производству потребительских товаров и IT-технологий для США. Это приведет к резкому сужению мирового рынка, росту протекционизма и усилению торговых противоречий между США, ЕС, Китаем, Японией, Индией, т. е. обострению МО[37].

Также,как и в прежней матрице, в которой рассматривался сценарий развития МО, попытаемся количественно оценить вероятность развития таких возможных сценариев ВПО от 0 до + 5, где 0 будет означать абсолютную невозможность, а + 5 – сильную вероятность того или иного сценария. При этом в матрице предлагаются только отдельные группы и подгруппы сценариев МО и ВПО, а не сами сценарии, которые должны быть абсолютно конкретными — политически, исторически, а также с собственно военной точки зрения.

Более того, развитие тех или иных конкретных сценариев в перспективе 2035 года или 2050 годов предполагает их неизбежную эволюцию, в том числе и усиление, и ослабление, а в ряде случаев, — исчезновение.

Объединение сценариев в группы и подгруппы существующих и будущих сценариев развития МО и ВПО необходимо прежде всего для выделения наиболее вероятных (важных с практической точки зрения) сценариев из всех теоретически возможных сценариев развития ВПО, количество которых теоретически может быть неограниченным.

Как видно из расположения существующих и будущих сценариев развития ВПО (табл. 2), они являются следствием и производными от группы негативных сценариев развития МО. В свою очередь, эта группа является следствием развития конфронтационного сценария взаимоотношений локальных цивилизаций Запада и Востока. Это обстоятельство важно не забывать потому, что в нем скрываются фундаментальные и системные противоречия (ценностные, интересы цивилизаций, нации и государств, социально-культурные, геополитические и др.), которые формируют общие контуры всех вероятных сценариев развития МО и, как следствие, ВПО.

1.6. Военно-техническое развитие как противодействие негативным сценариям развития ВПО

Симметричные сокращения ядерных сил США и России больше не влияют симметрично на безопасность двух стран[38].
Т. Бордачев, К. Дарден

Типичное заблуждение авторов цитируемого доклада заключается в том, что безопасность может быть обеспечена международными договорами в т. ч. по ограничению и сокращению вооружений. Этого не было и никогда не будет. Правда, никто всерьез на это и не рассчитывал. Во второй половине XX века и в начале XXI века, похоже, утвердилось единственное средство, гарантирующее обеспечение безопасности государства, — технологическое и военно-техническое равенство, то есть способность создавать такие виды и системы ВиВТ, которые делают невозможным либо очень рискованным применение военной силы в качестве политического инструмента.

Международные и региональные системы безопасности могут быть эффективными средс-

твами обеспечения национальной безопасности только в ряде случаев, то есть они отнюдь не универсальны. Тем более, что их эффективность в значительной степени зависит от политики ряда великих держав, которые в последние десятилетия сознательно разрушают международно-правовую основу безопасности. Ни для Югославии, ни для Ирака, ни для Ливии, Сирии или Украины международная система безопасности не стала гарантией.

Таким образом, на фоне усиления негативных тенденций в развитии сценариев ВПО и их неутешительного долгосрочного прогноза остро возникает вопрос о реанимации традиционных и о поиске новых средств обеспечения национальной безопасности. Имея в виду множество нравственных, политических и религиозных, а также научных заблуждений относительно эффективности таких средств, практическая определенность имеет огромное, даже решающее значение. В итоге приходится признать, что противопоставить обостряющимся цивилизационным противоречиям интересы сотрудничества, изменив тем самым, общий негативный вектор развития сценариев ВПО, можно всего лишь в четырех случаях:

— **во-первых**, когда цивилизационные риски и общие интересы всей глобальной цивилизации (экономические, природные и т. д.) будут очевидно сильнее аналогичных рисков конфликта локальных цивилизаций: «метеоритная угроза», катаклизмы, эпидемии и др. проявления опасности для всей цивилизации должны быть не только теоретическими, но и реальными, актуальными угрозами;
— **во-вторых**, когда возникнут боле серьезные угрозы со стороны других локальных цивилизаций (например, исламской), или внутри самой локальной цивилизации между отдельными нациями (Первая мировая война между Германией и Великобританией, например);
— **в-третьих**, когда внутренние угрозы (в т. ч. национальные, социальные и др.) окажутся значительно сильнее внешних угроз, либо когда природные и иные катаклизмы создадут угрозу существования локальной цивилизации. Революции перевороты, приход к власти новых элит или социальных групп может делать внешнюю политику (далеко не всегда) менее важной, чем ход внутренних событий;
— **в-четвертых**, когда военно-техническое соперничество между локальными цивилизациями станет невыгодным и даже опасным, как это имело место, например, на рубеже 70-х годов XX века. Именно к концу1960-х годов неконтролируемое наращивание ядерных сил СССР и США остро поставило вопрос о практической целесообразности и военно-политической опасности такой политики, что стало, в конечном счете, главным мотивом ослабления напряженности и смены сценария «подготовка войны» на сценарий «разрядки».

Как видно в первых трех случаях изменение негативного вектора развития сценариев ВПО практически не зависит от политической воли и политика государств: глобальные грозы не рассматриваются как конкретные, а внутриполитические катаклизмы не прогнозируются, а, значат, не занимают достойное место в стратегическом планировании.

Другое дело последнее, четвертое условие, которое не только имело прецедента в мировой истории, но и последствия которого до сих пор положительно сказываются на предотвращении угрозы глобальной войны. Причем характер этого условия в принципе не изменился: в настоящее время конкретным мотивом предотвращения развития негативного сценария может, как и прежде, стать провал политики США, ориентированной на технологическое и военно-техническое превосходство в основных направлениях НТП, а именно тех, которые будут определять место государства в соревновании на шестом технологическом этапе. Это — вполне конкретное соревнование на совершенно конкретных технологических направлениях. Также, как и в 40-е и 50-е годы XX века, в двух других комплексах технологий — в ядерной области и ракетостроении, — это соревнование будет предопределять условия для развития различных сценариев ВПО.

Победа в научно-техническом и технологическом соперничестве между ведущими странами-лидерами локальных цивилизаций может быть либо главным средством, обеспечивающим военную и политическую победу (как это является сегодня официально признанным в США), либо средством сдерживания, предотвращения опасной эскалации в негативном развитии сценариев ВПО. К сожалению, это средство в последние десятилетия было фактически един-

ственным реальным средством обеспечения национальной безопасности и предотвращения ряда крупных военных конфликтов.

Признание этого значения может быть и от обратного: то государство, которое уступило с военно-технической точки зрения своим оппонентам, неизбежно было вынуждено участвовать в навязанном ему конфликте или войне с заранее известным результатом. Югославия, не занимавшаяся своим оборонным потенциалом, Ирак, уделявший ему мало внимания, Ливия, игнорировавшая эти правила и другие государства-жертвы агрессии стали яркими примерами ошибочности расчетов на политические средства предотвращения конфликта.

Признание Россией значения качества технологического и военно-технического развития происходило в XXI веке по мере роста понимания необходимости отстаивания цивилизационной системы ценностей и национальных интересов. После разрушительных последствий экономических и военных реформ конца 1980-х — начала 2000-х годов, это признание означало, в конечном счете, признание необходимости успешного научно-технического и технологического соперничества с Западом по всем основным направлениям. Причем, если для Запада, особенно для США, этот приоритет всегда был важнейшим с 40-х годов XX века и является важнейшим и в настоящее время, то для России в разные периоды времени (на рубеже 1980-х годов, в 1990-х годах, в начале 2000-х годов) этот приоритет таковым не являлся. Это означало, что, как минимум, по ряду причин такое соперничество России и США с каждым годом затруднялось:

— **во-первых**, по причине непоследовательности такой политики. Если для США все последние 60–70 лет ставка на научно-техническое превосходство являлась высшим приоритетом, то для СССР/России периодически появлялись годы, когда этот приоритет игнорировался. Последовательность в его соблюдении в истории СССР можно, наверно, отнести только к 30–70-м годам XX века;
— **во-вторых**, огромная разница между начальными научными, экономическими и промышленными потенциалами, которые в 1930-е годы можно было оценить в сотни раз, а в 1960-е — в десятки. Особенно разительно такой разрыв существовал в качестве НЧК, однако его преодоление к 1980-м годам означало по сути достижения военного равновесия[39];
— **в-третьих**, развал потенциалов СЭВ и СССР, с одной стороны, и интеграция Запада, с дру-

Логическая взаимосвязь между приоритетами н/т развития и эволюций сценариев ВПО в XXI веке до 2050 годов

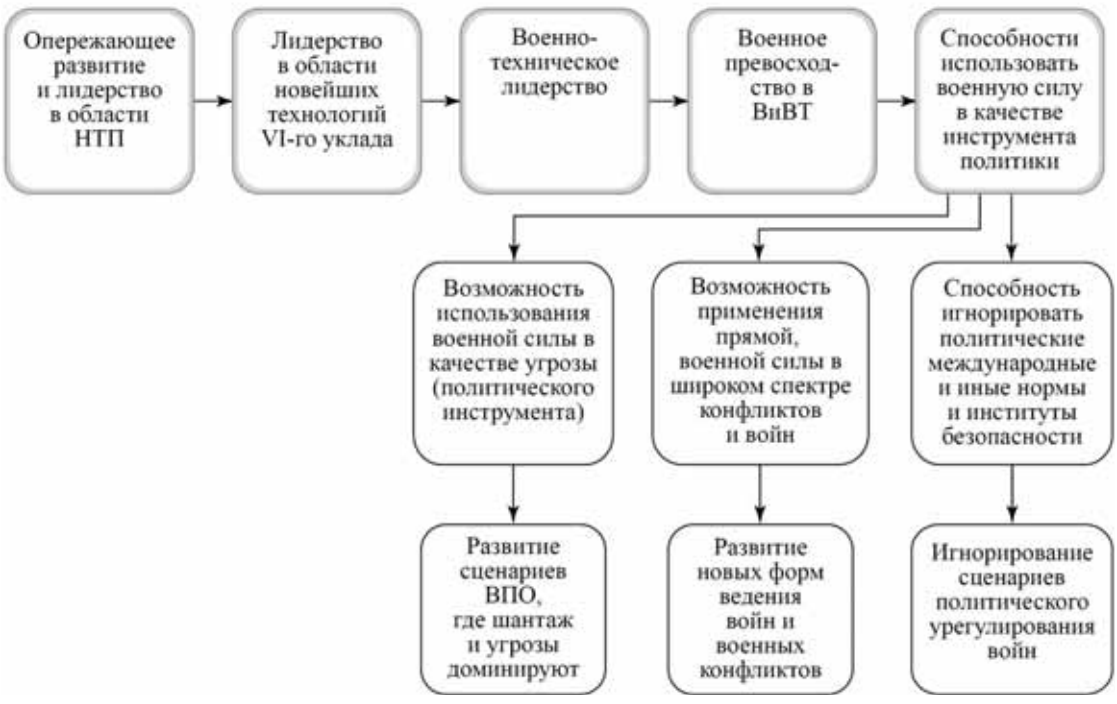

Рис. 9.

гой, сделала условия такого соревнования крайне неблагоприятными, практически невозможными для России, Особенно, когда часть ее элиты продолжает игнорировать значение этого приоритета;

— **в-четвертых**, переход человечества к шестому технологическому укладу свидетельствует и о том, что только в ряде отраслей ОПК такое соревнование успешно вести невозможно.

Именно приоритетность в развитии всех новейших направлений НТП, определяющих характер шестого технологического уклада, становится решающим для военно-технического соревнования. Эта взаимосвязь очень просто и достаточно логично может быть показана на следующем рисунке (рис. 9).

Как видно из данной логической схемы, достижение научно-технического и технологического пика, обеспечивающего военное превосходство, фактически лишает возможности другие локальные цивилизации участвовать в развитии мирных (оптимистичных) сценариев МО и ВПО. Именно поэтому результаты анализа технологического настоящего положения России и ее будущего во многом равносильны выбору между мирными и военными сценариями ВПО.

При таком анализ и прогнозе очень важна динамика изменений в области сопоставления уровне развития, что является вполне субъективным и управляемым в принципе процессом. Напомню, что в США после Второй мировой войны существовала практика, когда важнейшие документы обеспечения национальной безопасности базировались на сравнении и сопоставлении научно-технических и технологических потенциалов США и СССР по важнейшим 19–21 направлениям НТП.

Сравнение уровней развития потенциалов СССР и США

Название технологии	СССР	США
1. Микроэлектроника	—	+
2. Биотехнологии	+	—
…		
…		
…		
20. Ядерная энергетика	+	—

Итого: В 12 — технологических областях лидируют США; в 6 — СССР; в 2 — находятся на равном уровне

Рис. 10.[40]

Табл. 3.

2030 Strategic Contexts	Desired Strategic Capabilities
— Homeland protection	— The capability to defend space assets or to be able to operate without existing space capabilities
— Peer or near-peer military competitors at the nation-state level	— Inherently self-defensible systems from cyber attack
— Regional adversaries	— The capability to field smaller, lethal, survivable forces for sea, air, and land
— Security partners and alliances	
— Failed or failing states	— World-wide, multidomain situational awareness
— Stateless threats	
— Transnational organized crime	— Rapid adaptation and generation of cheaper capabilities
— Transnational corporations	— Robust tracking and defense of weapons of mass destruction
— Favorable access to the commons	— Capable, autonomous systems
— Individual actors	— Enhanced human adaptability performance
— Humanitarian assistance and disaster relief	— Advanced manufacturing

Надо признать, что идея технологического лидерства никогда не ставилось в зависимость от политических или иных соображений. Комплекс программ по СОИ начала 80-х годов XX века и широкомасштабная система ПРО — яркие иллюстрации этой идеи. В настоящее время в США определенно и четко увязывают «стратегический контекст» с потребностями в ВиВТ, что хорошо видно из следующей таблицы[41] (табл. 3).

Это хорошо видно на примере развития возможностей средств навигации[42] (рис. 11).

Суть его такова: с начала 1980-х годов было известно, что нарастает научно-техническое и технологическое отставание СССР от развитых стран и необходимо принимать экстренные меры. В 1982–1984 годы была подготовлена огромная программа (под кураторством ЦК КПСС и ГКНТ), которая предусматривала опережаю-

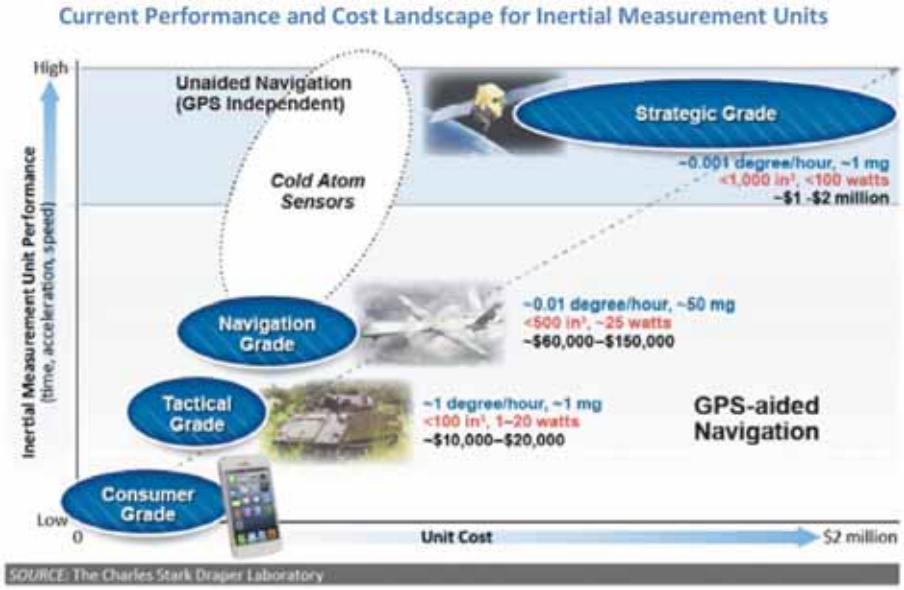

Рис. 11.

щие темпы развития ряда отраслей, определяющих НТП. Кстати, перечень этих отраслей удивительным образом совпал с теми программами «инноваций», которые были разработаны через … 30 лет. Но в 1985 году известный Пленум ЦК КПСС по НТП не состоял. Вместо него состоялся Пленум, избравший М. Горбачева и определивший на десятилетия другие приоритеты.

Очевидная проблема вновь «всплыла» в начале нулевых, когда у России появились ресурсы и была достигнута внутренняя стабилизация, но решить эту проблему (хотя она и была поставлена)[43] с того времени так и не удается. Правящая элита современной России, в отличие от прежних советских и российских элит, понимают критическое значение ликвидации технологического разрыва, опасность которого стала заметной уже до событий на Украине. Характеристику и сопоставление места России в мире дал в марте 2014 года. Д. Рогозин публично, опубликовав свою программную статью в «Российской газете», где, в частности, отмечалось: «Весь мир, и наша страна в том числе, вступают в эпоху шестого технологического уклада. Именно он по прогнозам специалистов через 25–30 лет станет доминирующим в экономике развитых стран. Технологический уклад — это определенный уровень развития производительных сил, совокупность сопряженных производств, имеющих единый технологический уровень и развивающихся во многом синхронно. Это важнейший термин теории научно-технического прогресса. Напомню, что сегодня основная часть производственных мощностей России находится на стадии четвертого технологического уклада, битву за который СССР в свое время успешно выиграл. И если в США уже около 60% производств действуют в рамках пятого уклада, то у нас эта цифра ограничивается пока всего 10%. Вот почему именно качественный прорыв сразу в шестой ТУ, минуя технологии пятого поколения, является для **нас стратегически важным вызовом**»[44].

Как видно из матрицы, группы и подгруппы сценариев ВПО отличаются и определенными особенностями: в сценариях ВПО минимизирована доля сотрудничества и ее роль в отношениях между государствами. И наоборот, более четко и выпукло представлены варианты реализма и противоборства, хотя, если речь идет о некоторых областях сотрудничества (назовем их «избранными»), то эти области могут существовать параллельно с развитием конфронтационных сценариев. Так, находясь фактически в состоянии конфронтации с НАТО, Россия продолжает сохранять и элементы сотрудничества.

Такая «совместимость» — не удивительна. Достаточно вспомнить, что накануне Великой Отечественной войны, буквально за день до ее начала, не прекращались взаимные поставки сырья и техники Германии и СССР. Более того, элементы сотрудничества США и Германии существовали в течении всего периода Второй мировой войны.

Как видно из матрицы, формализующей основные группы и подгруппы развития сценариев ВПО, область таких сценариев сосредоточена между «минимальными партнерскими отношениями» (+1) и «максимально враждебными» сценариями в 2014 году (+3) с устойчивой тенденцией к ухудшению (+5). Из матрицы, например, видно, что в 2014 году параллельно сосуществуют и реализуются три сценария ВПО с главными участниками в лице США и России, однако вероятность и реалистичность, безусловно, остается за подгруппой враждебных сценариев (+3 и +4) с безусловной тенденцией к их усилению.

Все это может быть расценено и как первый, но скрытый переходный этап от завершающей стадии подготовки войны до ее фактического начала. На мой взгляд, военный конфликт на Украине — первая стадия фактической войны США против России, которая реализуется:

— чужими ВС, ВиВТ;
— без объявления войны;
— сопровождается всем невоенно-силовым набором действий, характерных для войны.

Как и в случае с группами и подгруппами сценариев развития МО, вероятные сценарии достаточно определенно выделяются из числа возможных сценариев в отдельную область, границы которой вполне обозначены по времени и по характеру военно-политических отношений (на рисунке матрицы — очерченной линией). При этом важно определить динамику развивающихся процессов и их направленность в будущем. В нашем случае она очевидно негативна. Если говорить коротко, то для существующего сценария характерно:

— сохранение минимальной возможности сотрудничества в некоторых областях, где остается пока что взаимный интерес, который, однако, достаточно быстро **сокращается**,

а именно в таких областях, как: а) региональные конфликты; б) ограничения ОМУ; в) сокращения ЯО; г) международный терроризм;

— одновременно быстро расширяется пространство конфликтности и соперничества. Эта тенденция. Вероятно, будет определять военно-политические отношения РФ и США в ближайшие годы и в более отдаленной перспективе. Ситуация может измениться после 2030 годов, когда реальностью станет неизбежно растущее противоборство новых центров силы с монополией на власть США. Под таким углом зрения можно рассмотреть некоторые конкретные вероятные сценарии развития ВПО, выделив их из великого множества потенциально возможных сценариев развития ВПО, которые будут рассмотрены ниже.

Наконец, необходимо помнить и то, что развитие стратегической обстановки (СО) также имеет определенное влияние на выбор и развитие сценариев ВПО. В военной истории бывали примеры того, как неожиданная и быстрая военная победа коренным образом меняла военно-политическую обстановку. Тем более это влияние будет заметнее в будущем, когда будут использоваться качественно новые ВиВТ и способы их применения. Иными словами, развитие военного искусства, средств ведения войны оказывает и будет оказывать серьезное влияние на развитие ВПО и МО, а в ряде случаев даже и на сценарии развития ЧЦ. Так, изобретение и испытания ядерного оружия, а затем и создание стратегических наступательных вооружений, радикально повлияло на развитие сценариев ВПО и даже МО после Второй мировой войны. «Берлинский», «Суэцкий», «Кубинский» кризисы, Корейская

Рис. 12.

и Вьетнамские войны и другие события находились, безусловно, под влиянием этого фактора.

В еще большей степени это влияние технологий и лидерства в области НТП будет ощущаться в XXI веке, когда именно уровень развития военных технологий (а не собственно систем и видов ВиВТ) будет определять боевую эффективность ВС государства. В широком контексте это относится прежде всего к качеству национального человеческого капитала[45], а в более узком — к науке, знаниям вообще. Они, по оценке Д. Рогозина, «… сами по себе становятся оружием зачастую не менее значимым, чем привычные виды вооружений»[46].

Кроме того, речь может идти, например, об использовании сил природы, в частности, климата. Эти способы пока что рассматривались только как гипотетические, однако по мере развития и обострения ВПО в мире к ней неизбежно будут обращаться вновь. В частности, авторы одной из работ следующим образом видят эту картину[47] (рис. 12).

Таким образом, последовательное развитие ВПО, вытекающее из закономерностей развития ЧЦ, МО, а также изменения в возможных сценариях СО позволяют в целом создать некоторые логические модели групп, подгрупп и отдельных сценариев будущей ВПО и СО, которые можно использовать в целях стратегического прогноза и планирования в военно-политической области. Частные — военно-политические и иные — сценарии могут в определенной степени иллюстрировать логику и закономерности формирования будущих ВПО и СО, что уже само по себе немало, так как дает некоторые ориентиры для будущей военной политики. Поэтому целесообразно рассмотреть некоторые из возможных и вероятных сценариев развития ВПО в мире.

---

1 *Подберезкин А. И.* Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. М.: МГИМО(У) / Аналитический доклад. 2014. Сентябрь. С. 15.

2 *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. Т. I. Роль идеологии в модернизации России. М. 2012.

3 *Подберезкин А. И.* Сборник сокращений по международной, политической, социально-экономической и военно-политической тематике. М.: МГИМО(У), 2013.

4 *Латухина К.* Просчитать угрозы // Российская газета. 2014. 11 сентября. С. 2.

5 *Иноземцев В.* Не потеряться во времени // Литературная газета. 2014. № 36 (6478). С. 9.

6 *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. М.: МГИМО(У), 2014.

7 *Подберезкин А. И.* Стратегия для будущего президента России: русский путь. ВОПД «Духовное наследия». М. 2000.

8 См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.

9 Инфографика: Виктория Сункина, Олеся Волкова. Данные International Trade Centre. Расчеты РБК // РБК. 2014. 13 августа.

10 *Башкатова А., Сергеев М.* Запад перекрывает России доступ к Арктике // Независимая газета. 2014. 12 сентября. С. 1–2.

11 *Подберезкин А. И.* Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. М.: МГИМО(У). 2014.

12 Эта логика была описана И. Поповым и М. Хамзатовым не раз в их работах, которые использовал автор. См., например: *Подберезкин А. И.* Военно-политические аспекты прогнозирования. М. МГИМО(У), 2014. С. 28.

13 *Подберезкин А. И.* Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития. Аналитический доклад. М.: ЦВПИ МГИМИО(У), 2014. С. 121–130.

14 Цит. по: *Латухина К.* Просчитать угрозы // Российская газета. 2014. 11 сентября. С. 2.

15 Technology and Innovation Enablers for Superiority in 2030 / Report of the Defense Science Board. Wash., 2013. Oct. P. VIII.

16 Инфографика: Елена Мязина, Виктория Сункина, Олеся Волкова // РБК. 2014. 21 июля.

17 *Подберезкин А. И.* Значение развития систем боевого управления, связи и разведки (С31) в военной доктрине США / Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. ДА МИД СССР. 1989 / http://viperson.ru/wind.php?ID=42208wpg=1400#blist

18 *Иноземцев В.* Не потеряться во времени // Литературная газета. 2014. № 36 (648). С. 9.

19 *Кокошин А. А.* Некоторые макроструктурные изменения в системе мировой политики / Политические исследования. 2014. № 4. С. 39.

20 *Подберезкин А. И.* Идеология опережающего развития человеческого потенциала. Т. I. М.: Европа, 2007.

21 *Малышев В. П., Макиев Ю. Д., Богатырев Э. Я.* Методологические подходы к анализу военно-политических рисков / Проблемы анализа риска. 2013. Т. 10. № 6.

22 *Кокошин А. А.* Некоторые макроструктурные изменения в системе мировой политики / Политические исследования. 2014. № 4. С. 42–43.

23 *Кокошин А. А.* Метод и методология научного исследования у Свечина. В кн.: Кокошин А. А. Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник А. А. Свечин. М.: МГУ. 2013. С. 126.

24 *Латухина К.* Просчитать угрозы // Российская газета. 2014. 11 сентября. С. 2.

[25] *Балуевский Ю., Хамзатов М.* Глобализация и военное дело // НВО. 2014. 12 августа. С. 9–10.

[26] Телефонные разговоры Барака Обамы с лидерами других стран в 2014 году / http://mapinmap.ru/archives/2664

[27] Кто друзья, а кто враги России? Опрос «Левада-центра» 1600 россиян в 2014 году / http://mapinmap.ru/archives/2531

[28] *Ремчуков К.* Минобороны России бросило вызов США // Независимая газета. 2014 21 июля. С. 1.

[29] *Подберезкин А. И.* Военные угрозы России. М.: МГИМО(У). 2014.

[30] См., например: *Сунгуров А.* Моделирование в политической науке. М.: МГУ. 2005.

[31] *Рогов С.* Доктрина Обамы. Властелин двух колец / М.: РСМД. 2013. 6 мая.

[32] *Кокошин А. А.* «Полис». 2014. № 4 / www.viperson.ru/19.04.2014

[33] *Подберезкин А. И.* Русский Путь. Всероссийское общественно-политическое движение Духовное наследие. РАУ-корпорация. М. 1996.

[34] Стратегический глобальный прогноз 2030 / под ред. А. А. Дынкина. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 28.

[35] Col. Dr. Catalin-Marius Tarnacop. Arrangements and procedures to assess security risks and national defense requirements / NATO Studies Centre

[36] *Тупчиенко В.* А. Государственная экономическая политика / В. А. Тупчиенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 624.

[37] Там же.

[38] *Бордачев Т., Дарден К.* Щит и меч. Доклад по будущему российско-американских отношений. Выпуск № 4. 2014. Май. С. 19.

[39] *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал. М.: Европа. 2007.

[40] Мониторинг и анализ технологического развития России и мира / ЦМАКП. 2014. № 6. 2 кв. С. 13.

[41] Technology and Innovation Enablers for Superiority in 2030

[42] Technology and Innovation Enablers for Superiority in 2030. Introduction. November. 2013. P. 20.

[43] *Подберезкин А. И., Булатов Ю. А., Мунтян М.* А. Современная Россия: на пути удвоения ВВП. М.: 2005.

[44] *Рогозин Д. О.* Прыжок в шестое поколение // Российская газета. 2014. 28 марта. С. 17.

[45] *Подберезкин А. И.* Социальный потенциал и стратегия долгосрочного развития России // Вестник МГИМО(У). 2011. № 2. С. 7–24.

[46] *Рогозин Д. О.* Прыжок в шестое поколение // Российская газета. 2014. 28 марта. С. 17.

[47] Амурская государственная медицинская академия Кафедра мобилизационной подготовки здравоохранения и медицины катастроф / Основы мобилизационной подготовки здравоохранения Благовещенск 2010 / http://www.amursma.ru/downloads/Zakr/2/Osnovy_mobilizatsionnoy_podgotovki_zdravookhraneniya_.pdf. С. 75.